

Антропософия & Современная Философия в Диалоге

Наблюдения за одухотворением мышления

Ишаягу Бен-Аарон^{1,2}

Как я рад, что я могу быть здесь с вами. Это мой первый рабочий визит во Францию. Достаточно странно, что я, не владея французским, всегда внимательно следил за развитием французской культурно-духовной жизни в двадцатом веке и ныне, и в течение многих лет скрупулезно изучал французское мышление и философию. И я хотел бы, чтобы из этой лекции вы узнали о роли французского мышления в невидимой духовной драме нашего времени.

Я сообщил о том, что происходило в 20-м веке за завесой мировых событий, в моих книгах, *Духовное Событие 20-го века* и *Новое Переживание Сверхчувственного*, написанных в начале 1990-х. Там я описал свое духовное научное исследование эзотерических, сверх- и под-чувственных реалий, постижимых только посредством современных духовно-научных методов исследования. Вообще на Земле, вплоть до 1960-х годов, очень мало света было создано – и столько тьмы. Не то, чтобы производящие тьму силы и события с тех пор пошли на убыль; напротив, они нарастают по экспоненте. Но хорошая новость состоит в том, что во всех сферах жизни, мысли, науки, искусства и социальной жизни в 1960-х годах начали струиться новые силы надежды, и в моих книгах я описал скрытые источники этих духовных сил. И некоторые из тех редких и драгоценных лучей света исходили из французского творческого потенциала во второй половине прошлого века.

На протяжении всей европейской катастрофы 20-го века, до, между, и после этих двух мировых войн и в период холодной войны во Франции происходили очень интенсивные и живые дебаты, интеллектуальные, но также и культурные, и политические. Эти силы, действующие в мышлении, при всей их изобретательности, еще не были достаточно сильны, чтобы проникнуть в социальные и политические реалии; многие считали их столь «революционными» и радикальными, но они никогда не могли действительно прорваться к новым социальным идеям и социальным формациям. Однако в области философии было иначе; здесь имело место кое-что истинно творческое, что действительно стремилось подготовить новую почву.

Прошрое столетие имело великую задачу, связанную с самыми серьезными и судьбоносными результатами на благо или бедствие. Эта задача может быть описана по-разному /в зависимости от того, с какой стороны к ней подходить/³. Для наших целей сегодня, поскольку мы подходим к этой задаче с точки зрения развития мышления, мы можем назвать ее *одухотворением сознания*, или, более определенно, *одухотворением интеллекта и мышления*. Это – выражение, часто используемое Рудольфом Штейнером. Весь его импульс, предельное изъяснение его воли и любви, был влит в это деяние. И надежда всей его жизни состояла в том, чтобы свободные люди делали бы то, что стремился делать он сам: поистине преобразовать себя! Он надеялся, что это будет достигнуто, по крайней мере,

¹ Эта лекция была дана членам Антропософского Общества в Эльзас-Лотарингии, в Кольмаре, Эльзас, Франция, 1 июня 2007 г. по инициативе покойной Кристин Балливе, и данная публикация посвящена ей.

² Опубликована в “*Being Human*”, Fall 2011 (<http://issuu.com/anthrousa/docs/being-human-2011-03>), и на сайте автора <http://www.ybasite.org/download.pdf> Перевод с английского – Р.Г.Идлис (Р.И.), Иоаннов день 2012

³ Здесь и далее в косых скобках приводятся краткие пояснения и исправления оговорок, добавленные переводчиком. – Р.И.

ограниченным числом людей уже в начале 20-го века, и что затем это предпринималось бы все бóльшим числом людей в ходе всего столетия, достигая определенной интенсивной кульминации в его конце. Тогда бы это – в некоем преобразованном виде – мощно вышло бы на глобальную сцену 21-го века как изменяющая мир творческая сила.

Новые Начинаящие

В наши дни недостаточно, чтобы кто-то один делал что-то в одиночку, даже если он – величайший посвященный, потому что другие больше не должны быть просто ведомы или подвигнуты следовать за ним, – за исключением тех случаев, когда мы говорим об импульсах зла. Благо может возникнуть только из глубин свободных человеческих сердец и умов, сотрудничающих во взаимопомощи и взаимопонимании.

И если посмотреть на мировую ситуацию сегодня, включая антропософию, с этой точки зрения, то можно, конечно, сказать: ну, тогда мы, определенно, находимся еще только в самом начале! Мы все, поэтому, любезно приглашены начать снова, заново. Если мы правильно понимаем то, что было сказано выше, то нас просят *смотреть на самих себя как на поистине начинающих*. Все больше и больше людей станут понимать, что *Zeitgeist /Дух нашего времени Михаэль/* ищет ныне новых начинающих, и он сыт по горло столь многими «знатоками», которые постоянно создают опустошение в нашей социальной, духовной и экономической жизни.

Это одухотворение интеллекта – первый и неизбежный шаг, необходимый в качестве основы для дальнейших преобразований человеческой природы и общества. Это – предварительное условие для одухотворения нашей социальной, культурной, политической и экономической жизни. Это – наша главная точка входа, просто потому что в последние столетия *мы стали мыслящими существами*. Все, что мы делаем, начинается с мышления, и ложное мышление немедленно становится источником морально-социальных разрушительных сил, в то время как правильное /правдивое, истинное/ мышление есть созидательная и целительная сила.

Поэтому Штейнер считал свою так называемую «не антропософскую» книгу *Философия Свободы* наиболее важным своим духовным произведением. С помощью этой книги, говорил он, если ее правильно понимать и осуществлять на практике, каждый человек может *начать*, без какого бы то ни было предварительного духовного знания или веры, на основе своего повседневного мыслительного понимания, повседневного чувственного восприятия, повседневной моральной активности и социального опыта. Каждый может начать *здесь* с того места, где он стоит в реальной жизни.

И я имел опыт, вначале с самим собой, и теперь также с друзьями и учениками по всему миру, что с *Философией Свободы*, если работать с ней правильным образом, действительно происходит так, что она дает нам мощное средство осуществить это одухотворение и поднять его к осознанию. Это было моим собственным духовно-научным путем развития с 21 до 35 лет. Начав с базовых антропософских трудов Штейнера, я затем сконцентрировался конкретно на его философско-социальной работе. Для создания сообщества в Ардуфе, с одной стороны, и для моих духовных исследований, с другой, я искал *скрытый поток становления антропософии* для ее живого сверхчувственного продолжения.

Как может штейнеровский отправной пункт для мышления быть беспрестанно обновляем (updated), несомый потоком развивающегося *Zeitgeist /Духа времени/*? Это было моей жгучей каждодневной проблемой. Я также был осведомлен о задерживающих силах при работе с его наследием. Так что я рано осознал, что должен прокладывать свой собственный путь, как я и иду, в одиночку, и что он там просто не дан. И когда ищешь на этом пути, то обязан отыскать следы Михаэля в истории и в сегодняшней духовной, культурной и социальной жизни. Вот почему я интенсивно следил за новыми разработками в науках, искусствах, социальной жизни, и также в мышлении и философии в 20-м столетии в целом.

И я нашел, через саму жизнь, через саму мою работу, – это относится к моему собственному опыту, который нельзя обобщать, – что когда бы и где бы я ни искал путь, как продолжить после 1925 г., после смерти Штейнера, – что путь к дальнейшему развитию мышления и одухотворению интеллекта вел к бездне, открывшейся с двумя последними немецкими мыслителями – обращенным евреем Эдмундом Гуссерлем⁴ и его национал-социалистским учеником Мартином Хайдеггером – через руины европейской культуры во время Второй мировой войны, и в 1950-ые и 1960-ые⁵. И именно в этом прослеживании трагических шагов Гуссерля и Хайдеггера я пришел к французской философии, ибо французские мыслители были самыми пылкими и восприимчивыми учениками немецкой мысли. Поэтому, чтобы представить некоторые центральные фигуры французской философии, я должен буду кратко резюмировать решающий поворотный пункт в немецкой духовной истории.

Немецкий Экскурс

Первым немецким мыслителем, который остро осознавал, что время немецкого идеализма и время Гёте прошло навсегда и не может возродиться, был, конечно, великий и трагический *Ницше*. Он буквально сошел с ума в своих усилиях найти

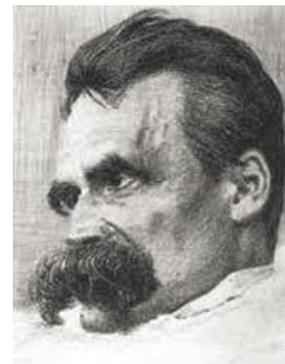

Эдмунд Гуссерль
(1859-1938)

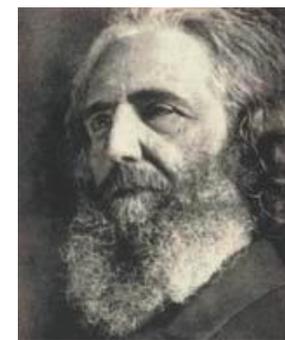
новые, непредвиденные возможности (*venues*) для одухотворения мышления. И, в качестве исторического симптома и ключа к разгадке собирающегося шторма, ведущего к немецкой трагедии, существенно, что в точности в те же годы, в конце 1880-х, Штейнер работал над своей философской диссертацией *Истина и Наука*, служившей основанием для *Философии Свободы*. Когда последняя была опубликована в 1894 г., он написал своему близкому другу Розе Майредер, как горько он сожалел о том, что Ницше больше не мог прочитать ее, потому что «он мог бы действительно понять ее как личное переживание». Так вот, Эдмунд Гуссерль (1859-1938) был современником Штейнера; он тоже изучал философию в Вене при Франце Brentano, год или два спустя после того, как там же учился и Штейнер, вероятно, в зимний семестр 1881-82. Они чуть не встретились в классах

Бrentano, вот как это было. Карма не могла бы высказаться яснее, потому что Гуссерль стремился развить взгляды Brentano далее и создал свою феноменологию в направлении штейнеровской *Философии Свободы*. Однако радикализм Гуссерля был недостаточно радикален; он не преодолевал более глубокие ограничения традиционной, кантианской, философии. Это осталось в немецком мышлении зияющей дырой, бездной, до, во время, и после Первой мировой войны, которая была самым решающим временем для европейской и немецкой истории.

И вот наступил год, в котором должна была решиться судьба и Германии, и Европы: 1917 г. В этом году Ленин послан Людендорфом в запечатанном вагоне поезда из его изгнания в Цюрихе, чтобы организовать большевистскую революцию на Востоке; а США вступают в войну с

Фридрих Ницше
(1844-1900)

Франц Brentano
(1838-1917)

⁴ В 1886 г. (в 27 лет) Эдмунд Гуссерль вместе с невестой принял протестантское вероисповедование – Р.И.

⁵ Я написал о своей борьбе за познание в этом отношении во введении к немецкому переводу моей книги «Новое переживание сверхчувственного» (*The New Experience of the Supersensible*). Я описываю развитие своих духовных исследований в интервью, добавленном к новому английскому изданию (2008). /Русский перевод этого интервью добавлен к русскому переводу книги И. Бен-Аарона «Духовное событие 20-го века», а также опубликован в БДН – электронной Библиотеке Духовной Науки <http://bdn-steiner.ru/> – Р.И./.

Запада. Судьба средней Европы была на весах, быстро оборачиваясь к худшему, и Штейнер инициирует социальную трехчленность в качестве последней попытки спасения. В том же в 1917 г. умирает Брентано; Штейнер публикует некролог «Nachruf» о Брентано в своей книге *О Загадках Души /GA 21/*. Здесь философия, антропология, и антропософия впервые сведены вместе вполне современным и научным образом, без каких-либо теософских остатков, – т.е. свободными от традиционных оккультных понятий и формулировок. Эта книга четко дает понять, что Штейнер теперь готов начать свою настоящую жизненную задачу как современный духовный исследователь и социальный новатор. Но его надежды создать всемирное социально-духовное движение уже рухнули еще до его ранней смерти в марте 1925 г.

Макс Шелер (1874-1928)

После смерти Штейнера Макс Шелер, оригинальный и свободомыслящий ученик Гуссерля, который встречался со Штейнером и ценил его, обращается в католицизм в 1927 г., в том же самом году, в котором выходит влиятельная книга Мартина Хайдеггера *Бытие и Время*. В своей судьбе Хайдеггер, как последний немецкий мыслитель, воплощает судьбу своего народа. Он не мог довольствоваться феноменологией, и это правомерно; и при этом он не мог открыться новому импульсу, работающему в направлении *Философии Свободы*. Вместо этого он преобразует феноменологию Гуссерля, разворачивая ее назад, а не вперед, чтобы создать в немецкой интеллектуальной жизни мощный и в высшей степени суггестивный интеллектуальный *Umstülpung* (выворачивание наизнанку) *Философии Свободы*.

Между Гуссерлем и Хайдеггером разыгрывается трагедия немецкой духовной жизни конца 1920-х и 30-х, вплоть до того, что в 1933 г. Хайдеггер произносит свою позорную *Antrittsrede*, инаугурационную речь при вступлении в должность ректора Фрейбургского университета, позиционируя себя как энтузиастического нациста. Позже он также поддерживает отлучение от Церкви своего стареющего учителя, в соответствии с нюрнбергскими расовыми законами о денатурализации. На его счастье, в 1938 г. Гуссерль умирает. Решение, вынесенное уже в 1917 г., теперь было сделано полностью зримым, и, вместе с тем, и судьба Германии и Европы в целом.

Со времен Ницше и Штейнера это достаточно жесткая «или – или» ситуация: мышление может быть или с Духом времени, или решительно *против* него. Неоспоримое величие Хайдеггера было мощно мобилизовано на службу супостату, наиболее противоположному Михаэлю. Но в наши дни лишь абстрактный интеллектуал или фанатичный последователь религии мог бы полагать, что он может знать *заранее* различие между правдой и неправдой. Антропософией тоже иногда занимаются подобным образом.

Фактически, именно случай Хайдеггера демонстрирует те трудности, с которыми сталкивается каждый, когда он стремится – на реальном опыте – определить различие *между правдой и неправдой*, особенно там, где они *отражаются и искривляются порогом*. Если представить себе уровень порога как зеркальную поверхность, то один член этой пары появился бы как подпороговый и полярный брат, даже близнец, но перевернутый наоборот, чтобы создать противоположность, зеркальную противоположность его верхнему запороговому первоисточнику!

Мартин Хайдеггер
(1889-1976)

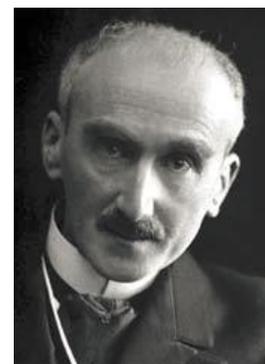
Здесь мне хотелось бы указать на один очень существенный факт, который многие годы отлично служил моей работе. Сражаясь с современными воззрениями в самых различных областях, можно

получить щедрое вознаграждение не только через то, что находишь истинную михаэлическую инспирацию, но также и через болезненное раскрытие противоположных Михаэлю течений. Также и они могут научить нас очень многому, причем на собственном опыте («из первых рук»), насчет истинных намерений Михаэля, именно потому, что они стремятся делать полностью противоположное!

С этой точки зрения мы можем начать понимать великую загадку, а именно, почему Хайдеггер стал, пожалуй, самым влиятельным философом Европы 20-го века, и для французской философии, в частности. И почему Левинас говорил – а он был очень близким личным учеником Хайдеггера во Фрейбурге – «мы должны признать, что все мы были, к сожалению, учениками Хайдеггера».⁶

Французское Философское Столетие

С 1920-х и 30-х, между войнами и в течение и после холодной войны, мы находим большую серию французских мыслителей, которые всегда начинают с ассимиляции немецкой философии. Последняя поставка философского провианта для французского мышления приходит от великой четверки немецкого течения Сумерек Богов (Götterdämmerung): Гегеля, Ницше, Гуссерля и Хайдеггера. Итак, введем и кратко представим нескольких из этих мыслителей. Но эта презентация может быть лишь крайне фрагментарной, промелькивающими надписями на узком и быстро исчезающем пути.

Анри Бергсон
(1859-1941)

Морис Бланшо
(1907-2003)

Начало может быть положено с еще одного урожденного еврея, Анри Бергсона (Henri Bergson), современника Штейнера, воскрешенного из забвения Жилем Делёзом (Gilles Deleuze), использовавшим бергсонову *Материю и Память* 1896 г., вышедшую в свет через два года после *Философии Свободы*, в качестве одной из своих основных отправных точек. Затем у нас есть крупный феноменолог Мерло-Понти (Merleau-Ponty), родившийся в 1908 г.; его книга 1945-го года *Феноменология Восприятия* – прекрасное исследование чувственного восприятия и перцептивного сознания; он был тем, кто все более и более сдвигал границы восприятия в сверхчувственное, стремясь преобразовать чувственное восприятие и телесный опыт в духовный опыт. Несколько на другом полюсе –

«темный» Морис Бланшо (Maurice Blanchot), родившийся в 1907 г., чье *Пространство Литературы* (1955) вызвало очень сильное очарование в прошлом веке. И затем мы уже – со столь влиятельным Жаном-Полем Сартром (Jean-Paul Sartre, 1905-1980).

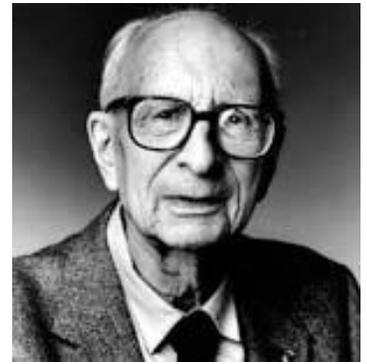
Сартр преобразовал фундаментальную онтологию Хайдеггера в феноменологический экзистенциализм; во время войны он написал свою главную работу, *Бытие и ничто* (1943), как ответ на *Бытие и Время* Хайдеггера (1927). Почитайте главу о «взгляде на другого» в этой книге, и вы найдете самое точное и блестящее феноменологическое исследование восприятия *другого*, бытия и отношения с *другим*, – нечто беспрецедентное в истории философии или науки.

Морис Мерло-Понти
(1908-1961)

⁶. Здесь не место детально входить в философию Хайдеггера; интересное и своевременное исследование, возможно, состоится в Германии.

После войны мы видим появление потока французского структурализма с Леви Строссом (*Claude Lévi-Strauss*) и его школой, среди прочих. Они имели примечательно плодотворное влияние, вплоть до наших времен, в антропологии, социологии, исследовании мифов и древних культур. Но все это было прологом, готовя почву для того, что станет действительно блистательными тридцатью годами, – 1960-ми, 70-ми, 80-ми, – в которые, как вы видите, одна за другой появляются самые блестящие звезды, блистая на интеллектуальном горизонте Франции, и ныне признанные во всем мире. Тогда это все начиналось, но я уверен, что Вы все знакомы с теми замечательными именами, такими, как — ? Именами, таким как — ? (Нет ответа и смех в зале.)

Клод Леви-Стросс
(1907-2008)

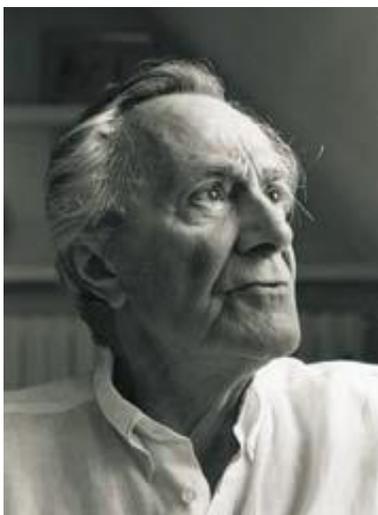
Жан-Поль Сартр (1905-1980)

открыл и описал некоторые из формирующих стратегий децентрализованных, периферийных сил, которые в духовной науке называют «эфирными формирующими силами», и он показал *текстуру текста*, плетение текста через основу и уток художественного гобелена языка. Деррида испытывал все возрастающее влияние Левинаса и направлял свое внимание к этическим, политическим и религиозным исследованиям, изучая проблемы радикального *отличия*, трансцендентальной *инаковости (otherness)* *другого* как непреодолимого различия. Он умер 9 октября 2004 г. и имеет все возрастающий круг влияния, которое сильно чувствуется в Америке; он – один из немногих философов 20-го века, который обрел известность как культурная величина вне философской среды.

Во-первых, назовем другого урожденного еврея, – да, они все еще повсеместно распространены, несмотря на некоторые усилия. Я имею в виду Жака Деррида (*Jacques Derrida*), француза, родившегося в *Алжире*. Он теперь довольно известен, но его, на самом деле, не всегда понимают как основателя философского течения, которое он назвал «деконструкция». Деррида занял позицию, противоположную (или полярную) по отношению к пути Фуко, и часто изображается как его противник; в отношении Делёза он был скорее ближним, другом, чем дальним. Его усилия были направлены к деконструкции и демонтажу (*deconstructing and dismantling*) централистских и централизирующих, монотеистических сил Бога-отца, работающих в прежней и нынешней философии и литературе. Но это, само по себе, не было целью, но, скорее средством *раскрытия периферийных сил, работающих в языке и письме*. Деррида

Жак Деррида (1930-2004)

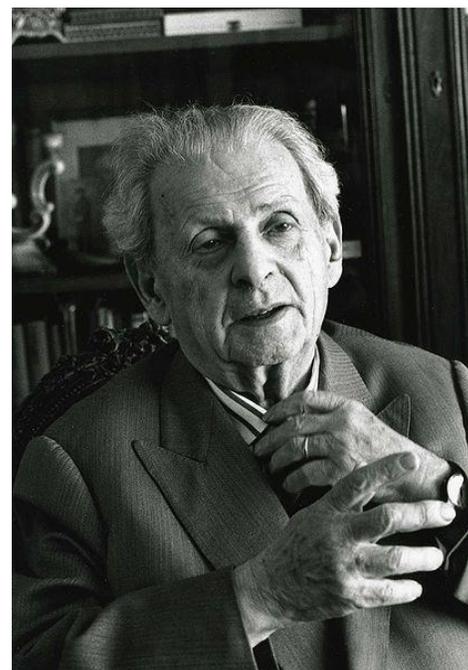
Жан-Франсуа Лиотар
(1924-1998)

(Фотография Брахи Этингер)

связи с его учителем Хайдеггером, еврей литовского происхождения, который стал ортодоксом после войны и оставался соблюдающим заповеди и Тору всю оставшуюся жизнь. Он, как и Деррида, – наиболее широко известный французский философ нашего времени, и его влияние также устойчиво растет. Его инновационное и радикальное понятие «другого» вводится не через феноменологию, как оно было развито Гуссерлем, Хайдеггером или Сартром, но через такие замечательные понятия как «лицо другого» и «смертность другого» – *за которого я исконным образом ответственен*⁹. Левинас верил, что это – единственный путь создать некую «противо-Каинову» силу, что он считал истинной миссией Иудаизма, подавленного западной философией, христианством и средне-европейской культурой. Он стремился возродить Авеля и найти ответ на исконное братоубийство Каина, которое он переживал как повторившееся в 20-м веке в европейском и глобальном масштабе, особенно в уничтожении евреев (как изначальных сыновей Авеля) немцами (как современными сыновьями Каина), но также и в каждом преследовании слабого, где бы оно ни происходило. Это составляет сущность его мысли: *Я – сторож брату моему!* Таким образом Левинас пытался привнести новый религиозно-моральный импульс в философские и культурно-политические дискурсы и сознание мира-после-Холокоста.

Понятие "постмодернизма"⁷ впервые ясно сформулировано как философское понятие Жаном-Франсуа Лиотаром (Jean-Francois Lyotard) в его книге *Состояние Постмодерна – Трактат о Знании* (1979). Вдохновленный идеей Канта об опыте и познании возвышенного (часть кантовской *Критики Способности Суждения*), он попытался создать непозитивистское, «событийно-богатое» понятие знания и искусства, и применить его к социальной и политической мысли. Мы могли бы назвать здесь и других, таких, как действительно блестящий Поль Вирильо (Paul Virilio), оригинальный мыслитель современной и постсовременной (modern and postmodern) технологии, военных вопросов, урбанизма, и архитектуры. И как не упомянуть Жана Бодрийяра (Jean Baudrillard), умершего в прошлом марте (2007 г.), остроумного наблюдателя и критика электронной коммуникации и глобализованных СМИ и телевидения, который также написал короткое и замечательное эссе «Дух терроризма»⁸ после нападений на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

И затем мы приходим к Эммануэлю Левинасу, упомянутому выше в

Эммануэль Левинас (1906-1995)
(фотография Брахи Этингер)

⁷ Термин «постмодерн» иногда используется в качестве обобщения, чтобы обозначить современных французских мыслителей, но философски это вводит в заблуждение. Все эти выдающиеся мыслители, которых я упоминаю, не только не считали себя «постмодернистами», но даже считали себя противниками «постмодерна». Левинас, Деррида и Делёз резко возражали против него.

⁸ Перевод на русский см. <http://www.inosmi.ru/untitled/20011106/142061-print.html> – Р.И.

⁹ Левинас Э. *Время и Другой*. Можно [прочитать онлайн](#) – Р.И.

Ален Бадью (1937)

Последней из этих крупных фигур, которых стоит сейчас упомянуть, потому что наше время ограничено, был бы Ален Бадью (Alain Badiou), который еще жив и деятелен сегодня, воинствующий маоист-ленинист, начинавший как ученик Сартра и французского философа психоанализа, Жака-Мари Эмиля Лакана (Jacques-Marie Émile Lacan) и готовивший себя к тому, чтобы стать пожизненным борцом против Делёза. Он – довольно одинокая и последняя звезда, все еще сияющая в сумерках действительно замечательного французского философского столетия. Бадью написал превосходное введение для студентов в свое учение под названием *Этика: Эссе по Пониманию Зла*, и он написал лучшую книгу по Св. Павлу¹⁰, какую я прочел в недавней литературе. Да, это принадлежит странной и дерзкой симптоматике нашего времени, когда не раскаявшийся французский маоист-ленинист пишет лучшую книгу по Св. Павлу!

Они – самые выдающиеся представители тех десятков творческих и оригинальных мыслителей, художников и ученых 20-го века, проживавших во Франции. Это лишь более ясно отмеченные имена, более четко видимые планеты, сияющие на фоне всей в целом духовно-культурной европейской и французской констелляции, возникшей из-за разрушения Европы в прошлом веке и /духовно-культурного/ вакуума, создавшегося вследствие исчезновения немецкого мышления.

Мишель Фуко (1926-1984)

Но в наше время был один, столь дерзкий и вдохновляющий в своей оригинальности, и в некотором отношении он настолько возвышался над ними всеми, что Делёз говорил: «Автор, который написал *Археологию Знания*, позволяет нам надеяться, что истинная философия снова будет возможна». И он имел в виду Мишеля Фуко (Michel Foucault). «Фуко стоит ближе к Гёте, чем к Ньютону», пишет Делёз в своей прекрасной книге *Фуко*, потому что так же, как для Гёте «Существо-Свет есть некое строго неделимое условие, некое *a priori*, которое только и способно соотносить видимость со зрением и одновременно с другими органами чувств», так же и с новым понятием Фуко о *языке и мышлении: их сущностное бытие есть невоспринимаемая сила, которая делает весь дискурс видимым и вообще возможным*.

И в этом причина, почему Фуко смог подготовить и открыть путь наиболее значительному французскому мыслителю 20-го века, самому Жилью Делёзу (Gilles Deleuze). Даже Деррида, в иных случаях осторожный и скорее сдержанный, говоря на похоронах Делёза, воскликнул: «Автор *Различия и Повторения* [одной из главных книг Делёза] является возвышенным философом *события*». Как солнце, которое затмевает все французские

интеллектуальные звезды, но также и контекстуализует их, давая им их историческую формацию и размещая мышление на своем пути на траектории и в направлении его будущего космического предназначения и констелляции, Делёз полностью заслуживает заявления Фуко: «Весь в целом

¹⁰ Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. [Читайте онлайн](#) – Р.И.

философский 20-й век однажды назовут веком Делёза». И в другом месте: «...ударил сверкающая молния, которой когда-нибудь дадут имя Делёза: новая мысль возможна; мысль снова возможна»¹¹.

Это был Делёз, который во всем, что написано им самим и совместно со своим сотрудником и соавтором Феликсом Гваттари, указывал на будущую роль и задачу философии.

Феликс Гваттари (1930-1992)

Для афористичности выберем одно предложение, которое могло бы быть выписано – с точки зрения, представленной в этой лекции, – в качестве симптоматического указателя в эволюции философии. Мы находим его в последней книге Делёза, написанной в соавторстве с Гваттари, *Что такое философия?* Там находим мы это предложение:

Жиль Делёз (1925-1975)

Единственная цель философии состоит в том, чтобы быть достойной события¹².

(The sole purpose of philosophy is to be worthy of the event.)

Это мощное преобразование Делёзом роли философии – результат общего проекта, вклад в который внес каждый из вышеупомянутых мыслителей, начиная с Хайдеггера, который первым тематизировал *событие (event)* в качестве центрального философского понятия. Здесь будет достаточно только сказать, что этим понятием Делёз выражает сложное и многоуровневое происходящее (complicated and multi-levelled happening), которое он описывал и неоднократно варьировал в своих работах в течение трех десятилетий.

В приблизительном переводе на наши слова это «событие» будет пониматься как пульсирующая систола и диастола, дыхание имманентной жизни, извечно происходящего процесса воплощения и развоплощения в каждом отдельном элементе материи, пространства-времени и сознания. Делёз понимал жизнь и чувствительность как существующие всюду в природе, культуре и космосе, как с органически-телесной или материальной основой, так и без нее. Перефразируя его утверждение в этом смысле, мы можем сформулировать его так:

Единственная цель философии состоит в том, чтобы быть достойной извечно пульсирующего, дышащего, трепетного движения вселенской имманентной жизни.

(The sole purpose of philosophy is to be worthy of the ever pulsating, breathing, vibrating movement of universal immanent life.)

¹¹ Фуко М. *Theatrum philosophicum* http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/theatrum.php – Р.И.

¹² «...Стать достойным события — у философии нет другой цели...» Жиль Делёз, Феликс Гваттари. *Что такое философия*. См. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Deleuz/index.php или: б. Проспекты и концепты <http://www.philosophy.ru/library/deleuze/02/deleuze6.html> – Р.И.

Загадки и Проблемы Одухотворения Мышления

Рудольф Штейнер (1860-1925)

Сопоставим теперь революционный пересмотр Гваттари и Делёзом значения и существа философии с некоторыми из утверждений Рудольфа Штейнера. Он говорит, например, что ныне, когда роль философии исполнена (имея в виду, – в конце 19-го века¹³), мы должны иметь смелость позволить молнии воли непосредственно бить в мышление через все всецело сингулярное¹⁴ существо индивидуального человека¹⁵. Этот элемент воли может воспламенить мышление и освободить его от его физических пут, освобождая его крылья, чтобы взлететь и подняться в открытую космическую эфирную вселенную. Тогда это уже больше не будет то же самое «Я», которое мыслит, но *это будет поток космической мысли, протекающий через мое преобразованное существо*. «ОНО мыслит во мне» станет истинным переживанием и реальным сверхчувственным событием¹⁶. Но именно это замечательное духовное достижение – «ОНО мыслит» – ставит серьёзные проблемы эпистемологии, идентичности, и, конечно, этики, которые не могут быть разрешены посредством современной философии и науки.

Главная проблема здесь следующая: когда «ОНО мыслит» во мне, то кто есть это «я», в котором и через которое «ОНО мыслит»? Ночью, когда *ОНО* действительно не только мыслит во мне, но также и строит

¹³ См., например, Р. Штейнер «Человек в свете оккультизма, теософии и философии» GA 137 Лекция 10 от 12.6.1912 г. – Р.И.

¹⁴ Singular – отдельное, одиночное, единичное, единственное, исключительное, уникальное. – Р.И.

¹⁵ Рудольф Штейнер, лекция от 7 октября 1922 года в Штутгарте (цикл «Молодое поколение», GA217): «Это была очень значительная ситуация в конце девятнадцатого века: Определенные круги поняли, что старых интуиций, данных Богом интуиций, уже нет, что если человек желает доказать при помощи своей головы идеи народов древности, моральные интуиции просто исчезают; наука их заглушила. Люди, даже будучи восприимчивыми, более не в состоянии принимать моральные интуиции. ... Таким образом, с одной стороны, не было альтернативы увяданию. ... Другой альтернативой было становиться в полной мере осознающим следующее: С потерей старой интуиции мы сталкиваемся лицом к лицу с Ничто. Что можно сделать? В этом Ничто искать «Все»! Именно из этого абсолютного Ничто пытаться обрести что-то, что не дано, но что мы сами должны усиленно выработать. Это было уже невозможно с пассивными силами прошлого, но только с мощнейшими силами познания этого века: с познавательными силами чистого мышления. Ибо в актах чистого мышления это мышление переходит непосредственно в волю. Вы можете наблюдать и мыслить, и не проявляя своей воли; вы можете проводить эксперименты и мыслить, – это не переходит непосредственно в волю, это можно делать без особых усилий. Чистое мышление, под которым я подразумеваю раскрытие первичной, первородной активности, *требует энергии*. Там молниеносные вспышки воли должны бить непосредственно в само мышление. Но эта молниеносная вспышка воли должна исходить от каждого отдельного индивидуума. Мужество было необходимо, чтобы призвать это чистое мышление, которое становится чистой волей; оно возникает как новая способность, способность рисования из человеческой индивидуальности моральных импульсов, которые должны быть выработаны и более не даются в форме старых импульсов. Должны быть призваны интуиции, которые настойчиво и энергично вырабатываются. Сегодня то, что человек вырабатывает в своем внутреннем существе, называют «фантазией». Стало быть, в этом нынешнем веке, который, к тому же, заглушил внутреннюю работу, моральные импульсы для будущего должны быть произведены из моральной фантазии, моральной имагинации; человеку необходимо показать путь от просто поэтической художественной фантазии к творческой моральной имагинации». – Курсив наш. Ред. /Перевод с англ. – Р.И./

¹⁶ «...не только я мыслю, но оно мыслит во мне; мировое становление выражает себя во мне, и моя душа лишь предоставляет арену, на которой мир изживает себя как мысль». Философии, конечно, отвергнут такую позицию. ... это – такая идея, которая может быть приобретена только через внутренний опыт». Рудольф Штейнер, *Порог духовного мира*, 1912; GA 17, Глава «О доверии, которое можно иметь к мышлению, и о сущности мыслящей души».

и формирует основу всего моего существования, мое обычное самосознание полностью выходит и совершенно отсутствует. Я становлюсь бессознательным, чтобы позволить *ЕМУ* заботиться о моем существовании, потому что моя обычная самость (*my ordinary self*) сама еще вообще не может выполнять, в духовном самосознании (*self consciousness*), необходимое обслуживание моего целостного существа. Поэтому ночью, а также бессознательно в течение дня, я отдан *ЕГО* космическому водительству, и исцеляющим силам, и существам¹⁷.

Я надеюсь, что мне удалось сделать эту проблему немного более проблематичной и конкретной для вас: как *этот процесс деперсонализации и сверх-персонализации* может переживаться сознательно? Как эта одна самость – обычная /мое обычное «я»/ – выходит, а другая – Высшая Самость /Высшее «Я»/ – входит? И кто есть эта «одна» (теперь уже две, и она будет множиться и далее с продвижением процесса одухотворения!), что обоюдно распознает, организует и соединяет эти две – и эти многие – в гармоничную композицию? И в какого рода *само-сознании* это «ОНО мыслит» могло бы стать осознанным?

Та же самая проблема может также быть выражена таким образом. Штейнер сказал, что он считает знаменитое заявление Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» ничем иным, как «величайшей несостоятельностью (*failure*) в эволюции современного мышления... ибо как раз там, где я мыслю, я не существую..., потому что обычное мышление – это не более чем пустая картина, образ, представление, и лишено какого бы то ни было реального, субстанциального бытия»¹⁸. Это утверждение характеризует как существенное экзистенциального, так и переживание современного философского в целом и, в особенности, вышеупомянутых французских философов.

То, чего современная философская мысль могла – до определенных пределов – достигнуть на различных путях и в различной степени, является частью этого первого аспекта, а именно, «космизации» мышления и осознания, что «мысль находится вовне» и «ОНО мыслит внутри» (Фуко-Делёз); но такая мысль чувствовала, что она должна полностью пожертвовать реальностью субъекта, индивидуальностью, чтобы достигнуть этого. С этой полной жертвой мы не можем согласиться¹⁹. Все же мы должны также признать, как указано выше, что кроме живого примера инициации самого Штейнера, мы действительно не имеем полученных из первых рук описаний успешно выполненного экспериментального решения этой дилеммы.

В целом мы можем сказать: современная философия действительно развила, в оригинальной и новой манере, некоторые аспекты, родственные одухотворению мышления, но остановилась на пороге в отношении более глубоких проблем «Я». Знаменитые, хотя и мало понятые утверждения Фуко о смерти субъекта, об авторе, и т.д., могут пониматься лишь как симптомы, указывающие на эту нерешенную проблему, как мы увидим позже более детально.

¹⁷ См., например, Лекцию Р.Штейнера «О ритме человеческих тел», Берлин, 21.12.1908 г., GA 107 в BDN-STEINER.RU – Р.И.

¹⁸ См. среди других работ Штейнера, GA293 (*Steiner The Foundations of Human Experience*, trans. Lathe & Whittaker, 1996, p.50.)

Примечание переводчика: См. Р. Штейнер, *Общее учение о человеке как основа педагогики*, GA 293, 2-я лекция: «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую») – это величайшее заблуждение, положенное во главу угла мировоззрения Нового времени, ибо как раз в *cogito* заключено не *sum*, а *non-sum*. Это означает, что в пределах моего познания я не существую, есть /существует/ только образ». См. также Р. Штейнер. *Эзотерические рассмотрения космических взаимосвязей* GA237, т. III, лекция 1, 1.07.1924, с. 31. – Р.И.

¹⁹ См., напр., Р. Штайнер. *Теософия: Введение в сверхчувственное понимание мира и назначение человека*, GA 9, глава «Путь познания», Ереван, «Ной» 1990, с. 141: «Нельзя смешивать это единение между личностью /в нем. оригинале *Persönlichkeit*, переводится и как *личность*, и как *индивидуальность*/ и всеобъемлющей жизнью духа с уничтожающим личность растворением во «всеобщем духе». Такое «исчезновение» не может произойти при истинном развитии личности. Происходит не преодоление личности, а наивысшее ее выявление». – Р.И.

Позвольте мне кратко резюмировать первые главные стадии в процессе одухотворения мышления и затем выразить кратко и ясно полный смысл *штейнеровского* понимания «единственной цели философии». Если через «непосредственную молниеносную вспышку воли» наступает преобразование мышления, и мышление *становится сингулярным событием*, – когда я зашел столь далеко с одухотворением моего собственного мышления, я фактически вызвал аннулирование и опорожнение обычного содержания своей души и ума. И вот, поскольку мое обычное переживание себя – ничто иное, как общая сумма этого содержания, то, когда оно исчезает, *моя обычная самость (my ordinary self) / мое обычное «я» / исчезает тоже*. Я забываю свою субъективную внутреннюю жизнь, которая, так сказать, засыпает²⁰. На ее месте вспыхивает *ОНО мыслит*. *ОНО* втекает в пустое, бессамостное (self-less) место, и *ОНО мыслит через это место* как полностью иное, «другое-Я» (alter-Self). В результате может произойти следующее: *ОНО* теперь сотрясает мое иначе бессознательное *реальное «Я» (real Self)*, – не то субъективное, сознательное, личное «я» (*personal self*), которое уже стерто, – вернее, *ОНО* вытряхивает мое *реальное «Я»* из физического тела. И это реальное «Я» **имеет возможность** отыскивать свой путь к Высшему «Я» Человечества, плывя и взлетая в волнах и течениях *реальной «всемирной паутины»*, распростертой и смешавшейся с бесконечно многочисленными и разнообразными неорганическими живыми космическими силами, событиями, и существами²¹. Но это и есть центральная проблема: одно лишь «*ОНО мыслит*» не может гарантировать, что эта встреча состоится. Сила, необходимая для того, чтобы создать возможность встречи моего реального «Я» с Высшим «Я» человечества, может быть найдена только где-то в другом месте. Но где?

Поэтому чрезвычайно важно обратить внимание на то, как Штейнер говорит о чистом мышлении одновременно и как о чистой любви в следующих словах из *Философии Свободы*. Когда мыслитель *становится единым* с потоком «протекающей в самой мыслительной деятельности силы, которая есть сила любви духовного рода»²², он понимает и индивидуализирует этот опыт как «моральную интуицию», воспринятую свободно из духовных миров и принесенную вниз на Землю через индивидуальные деяния любви. Эта вторая сторона одухотворения мышления имеет отношение к свободной любви²³ к Земле, человечеству, и физической жизни в целом. Иными словами, одухотворенное мышление может создать связь между двумя «я», человеческим и космическим, – только если оно становится выражением любви. Только тогда может оно соединить эту Высшую Самость, переживаемую вне тела, и человеческую самость, которая получает моральную интуицию и обязана защищать ее и делать ее реальной на Земле.

²⁰ См., напр., Р. Штейнер *Общее учение о человеке как основа педагогики*, Лекция 7 (М. «Парсифаль», 2005., с. 108): «Что такое вспоминание? Это пробуждение комплекса представлений. Что такое забывание? Это погружение в сон комплекса представлений». – Р.И.

²¹ Делёз называет элементарные участки этого мира сферой неорганической, имманентной, бесконечной жизни. Он исследовал это в мельчайших подробностях, особенно во втором из двух томов, написанных в соавторстве с Гваттари, *Анти-Эдип* (1972 г.) и *Тысяча плато* (1980 г.), с подзаголовком у обоих: *Капитализм и шизофрения*.

²² См. *Философия свободы*, глава 8, Дополнение к изданию 1918 г. (в издании 2007 г под редакцией Г.Бондарева см. стр. 253-255), – Р.И.

²³ – В смысле «любви духовного рода», или «чистой любви ко всем существам» (см. также «основную медитацию» из *Наставления для эзотерического ученичества*, С.-П., «Дамаск», 2005, с. 67). – Р.И.

Теперь, будучи принято с обеих сторон, а именно, из космического переживания Самости как члена неорганического мира жизненных сил и существ и как источника моральной интуиции, предназначенной к реализации на Земле, – следующее утверждение Штейнера может быть оценено во всей его полновесности. Он говорит²⁴, что будущая цель философии – в том, чтобы «спасти человеческое самосознание», для того, чтобы о самосознании *вообще* можно было помнить при дальнейшем продвижении человечества в процессе его одухотворения в настоящем и будущем. Если это воспоминание о самосознании не будет достигнуто, то процесс одухотворения все же продолжится, потому что эволюционное время для этого наступает. Однако он уведет человечество прочь от его истинного «Я» (истинной Самости) и его истинной миссии на Земле и во Вселенной. Это означает, что философия действительно имеет кое-что, чего она должна быть «достойной»: *спасение и искупление самосознания для всех будущих стадий одухотворения человечества*, без чего человеческое сознание не будет в состоянии вступить здоровым образом в духовные миры²⁵.

Автор у берлинского дома Штейнера

В стиле Делёза-Гваттари мы можем теперь, наконец, перефразировать цитируемое выше утверждение из их книги *Что такое философия?* Мы, со своей стороны, можем теперь ответить:

Единственная задача философии состоит в том, чтобы быть достойной события одухотворения самосознания и помнить об истинном «Я».

(The sole task of philosophy is to be worthy of the event of spiritualization of self-consciousness and remembering of the true 'I'.)

Не состоявшийся Великий Диспут

Наша характеристика «единственной цели философии» звучит весомо (resounds strongly) навстречу вызову Делёза, как *предупреждение и предостережение* со стороны Михаэлического течения. Это предупреждение поистине дано не для того, чтобы способствовать педантизму и интеллектуализму, но, напротив, чтобы уравновесить истинный и настоящий, *но односторонний* импульс современной спиритуализации мышления. Именно потому, что спиритуализация мышления *действительно* продвигается вперед все далее и становится реальной, и потому, что мышление воистину начало сливаться с потоком космических сил, из Михаэлических сфер звучит это сообщение, поощряя мыслителя не пасовать перед этими тайнами и проблемами, связанными с чрезвычайно сложными и противоречивыми отношениями между обычным земным субъектом и личностью и Космическим Эго (the Cosmic Ego), называемым также Христом, или Высшей Духовной Самостью (Higher Spirit Self). Эта задача является чем-то совершенно новым в человеческой эволюции и, пожалуй, самым ключевым импульсом непосредственного настоящего и ближайшего будущего, а именно: *создать самосознающий мост между земным «я» и сверхчувственным сознанием*.

И философия, понятая таким образом, предложит это единственное средство «спасти самосознающее «Я» – самосознание как таковое – для сверхчувственного сознания». Иными словами, ясновидец, по достижении истинного духовного сознания, должен быть в состоянии оглядываться назад и вспоминать

²⁴ В GA 137, Лекция от 12 июня, 1912 г., Осло. /Р. Штейнер. *Человек в свете оккультизма, теософии и философии*, С.-П., «Деметра», 2011, с. 204/.

²⁵ Детальная проработка этих проблем является основой моей книги «Новое переживание сверхчувственного».

– на первой стадии духовного развития – свое «Я». И это *спасение самосознания* может быть достигнуто только посредством одухотворения мышления в направлении, обозначенном *Философией Свободы*.

Ныне, как упоминалось выше, именно в связи с понятием «Я» пост-модернистское сознание имеет величайшие трудности, ибо к этой проблеме не подступиться посредством одного только чистого мышления, будь оно одухотворено насколько только возможно. Проблема «Я» требует подхода к ней с полярно-противоположной стороны; и эта сторона регистрирует место фактического отсутствия /«Я»?/ также и в мышлении Делёза, хотя и в столь многих аспектах у Делёза его отсутствующее «Я» намного более живое, чем многие мертвые и застывшие понятия насчет этого «Я»!

С этой точки зрения я хотел бы обратить ваше внимание в следующий раз на возможность в высшей степени плодотворной *духовной битвы* – насчет проблем «Я», – и *диалога* – насчет чистого мышления, – которые могли бы произойти при условии, что антропософское мышление продвинется столь далеко, что подобные проблемы станут его истинными животрепещущими проблемами. Как я уже сказал, я сам был щедро вознагражден благодаря тому, что занимался этой битвой в течение последних тридцати лет. И я хотел бы попытаться зажечь и в вас искру энтузиазма для *истинной духовной битвы*, истинного диалога духов, умов, и сердец.

Здесь мог бы состояться богато и взаимно вознаграждающий «дизъюнктивный синтез» (используя уникальное выражение Делёза), – но этого так и не произошло, ибо что аутентичного могла принести традиционная антропософия на это поле? Как только что описано, лишь подлинное индивидуальное достижение может честно встать перед этим вызовом и выстоять перед лицом действительной мощи достижений современной философии. Самопреобразующаяся антропософия извлекает большую пользу из занятий современной философией, – наряду с искусствами и науками, конечно. Это так, ибо современная философия пытается разрешить, скорее бессознательно, те же самые проблемы, с которыми сталкивается тот, кто начинает осознавать настоящие первые шаги в развитии сверхчувственного сознания.

В соответствии со средневековой манерой речи, которая была намного более цивилизованной (то есть, правдивой), чем наша, мы можем воспользоваться термином «диспут» для этой редкой и уникальной битвы в форме диалога (dialogic battle), или диалога в форме битвы (battled dialogue) – для *истинной борьбы за дух*. Эта величайшая из духовных битв была предопределена, но так и не состоялось в истории, потому что судьба духовной битвы 20-го века, как я упоминал выше, была решена к худшему еще раньше. Когда во второй половине этого века и в особенности к его концу должна была состояться величайшая кульминация антропософии, кульминировало лишь другое течение, в одиночку. Его истинного оппонента просто не было там, чтобы сражаться, потому что его решающая Михаэлическая битва уже была проиграна в начале 20-го века.

Однако это было только первое столетие нынешней эпохи Михаэля как Духа Времени, с первой из трех больших битв и столь многих меньших между ними! В настоящее время мы скромно стремимся подготовить некоторые подходящие отправные точки ко второй большой битве – битве 21-го века. Теперь, когда мы серьезно работаем над самопреобразованием, и, вместе с тем, над истинным одухотворением интеллекта, нас очень сильно притягивают наши конкуренты, или их наследие, потому что наше жизненное стремление требует истинной битвы-диалога, без которой оно не может процветать и развиваться далее. И мы будем иметь на нашей стороне сущность Делёза, лидирующую, и сущности его коллег. Они будут служить в качестве мощного пробуждающего, напоминающего, и воистину стимулирующего предупреждения, – а также и в качестве сильнейшего искушения, – так, чтобы мы могли осознавать на Земле, ныне и в ближайшем будущем, великое сверхчувственное сражение, бушующее в ближайших к нам духовных мирах, между Михаэлем с его властями и состязавшимися с ним – но тоже всегда полезными – духами!

Некоторые Личные Замечания

Итак, мы можем сказать, что Жиль Делёз пошел наиболее далеко в выполнении этой задачи одухотворения мышления, но он осуществлял ее на крайне одностороннем пути. В мышлении Делёза перед нами в конце 20-го века наилучший пример того, сколь далеко можно было пройти, ведя эту цель к определенной временной кульминации. И, продолжая изучать развитие сознания на материале научных, политических, художественных, философских и антропософских разработок прошлого века, я должен был говорить себе снова и снова: здесь в конце столетия мы имеем эту замечательную подборку персонажей, как мыслителей, так и художников и ученых, сквозь целое столетие, столь блестящих, столь сияюще оригинальных, которые стремятся продвинуть мышление далее.

Затем я смотрел на свои собственные потуги, и вот, чтобы развить свое собственное антропософское мышление, я должен был вращиваться в эти школы мысли, я воистину должен был погрузиться очень глубоко, без предубеждений, в работу многих индивидуальных мыслителей. Я поистине должен был бороться, чтобы преобразовать каждую стадию, мышление каждого из них, в каждое десятилетие, чтобы прийти к тому, что эти разработки могли бы предложить как часть потока продолжающегося одухотворения интеллекта: обогащающего, вызывающего, но также и соблазняющего и вводящего в заблуждение.

Я переживал себя очень одиноким в этой битве. Даже среди мыслящих антропософов я не мог найти никого, кто хотел бы заняться этой борьбой напрямую, в этом смысле духовной битвы. Всегда, конечно, были те, кто страстно желают опровергать как друг друга, так и постмодернистскую философию. Это было всегда; но меня не интересовало опровержение чего-либо или кого-либо, ибо я пытался через этих мыслителей вступить в схватку с более глубокими духовными импульсами в действии, которые или соответствовали нашему Духу Времени, или боролись против него, или смешивали то и другое многими причудливыми способами. Там я мог найти некоторые важные и скрытые следы и подсказки, которые вели меня на пути одухотворения мышления. Разумеется, тот же самый не-диспут происходит все это время также и на другой стороне. У тех мыслителей, которых я упомянул, невозможно было обнаружить ни малейшего желания хоть что-то узнать о вкладе Штейнера. И их сознательному незнанию хорошо послужило отсутствие ангажированных /занимающих определенную позицию в этой борьбе/ в настоящее время антропософов!

То была, и все такова же сегодня, странная ситуация. Я спрашивал себя: что здесь происходит? Это как будто я наблюдаю странное театральное представление. Устанавливается сцена, и некоторые актеры уже играют свои роли; они говорят и действуют, совершенно не сознавая этой гротескной ситуации. Они не в курсе, что другие актеры, их коллеги, даже не присутствуют! То, что я вижу, является только половиной спектакля, духовная драматическая часть разрезана пополам. Подлинный сценарий не разыгрывается, а то, что играет, вовсе не является подлинным сценарием! Это должно было быть всей сценой битвы, но у нас есть только половина, другая группа не играет какой бы то ни было роли в сценарии, который они сами написали! Они написали его смело в духе, с силой, данной им Михаэлическими существами в сфере Солнца, в сверхчувственной Михаэлической школе; но на Земле забыли, и, в этом смысле, также предали те роли, которые они предназначили себе до рождения.

На самом деле, должна была быть, от начала этого века до самого его конца, непрерывная великая битва – и плодотворнейший диалог, ибо духовно воспринимаемый истинный, искренний диалог – это тоже битва. Настоящий братский диспут должен был состояться между мыслителями, глубоко связанными с антропософией, и мыслителями, которых я упомянул выше. Это становилось очень ясным с приближением конца этого века.

Этот диспут был подготовлен в средние века, и ему было предназначено состояться в 20-м веке. Но мы живем в эпоху свободы, в которую все прежние сценарии легко заменяются нынешними решениями нынешних игроков! Приблизительно восемьсот лет назад, при совершенно других духовных и

социальных условиях, это сражение действительно состоялось во время Высокого Средневековья. Позвольте мне коснуться этого особенного исторического и кармического фона, чтобы обрисовать в общих чертах как нынешнее, так и будущие сражения, предстоящие нам теперь.

Великий Средневековый Диспут

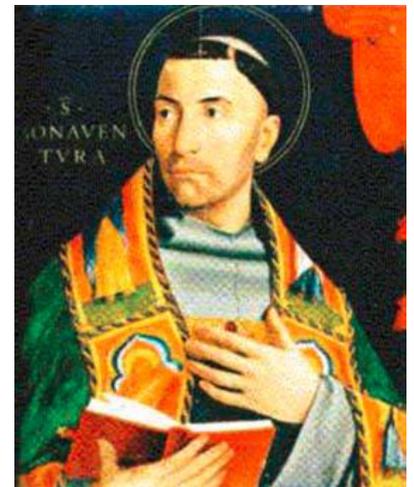

Альберт Великий (1193-1280)

Фома Аквинский (1225-1323)

В Высокой Схоластике Средневековья, начиная с Платонического Ренессанса 12-го века и развиваясь в 13-м и 14-м веках, происходила грандиозная философская духовная битва, главным образом здесь, во Франции, в Париже и его университете. Здесь великие Схоласты мощно стремились объединить Христианскую теологию с Аристотелевой философией под предводительством Фомы Аквинского (*Thomas Aquinas*), его престарелого учителя Альберта Великого (*Albertus Magnus*) и обширного круга их учеников из Доминиканского ордена. Они были вовлечены в неистовую борьбу на нескольких фронтах. Назовем только один и обозначим лишь его контуры. Одно мощное оппозиционное течение исходит от членов францисканского ордена. Этот орден представляет серию выдающихся религиозных и философских учителей. В 13-м веке они возглавлялись «Доктором Серафикусом», урожденным Джованни Фиданца (*Giovanni di Fidanza*), которого называли Св. Бонаventura (*San Bonaventura*) из-за его экстатического религиозно-мистического рвения и темперамента. Он был лично инициирован /во младенчестве/ через чудесное исцеление в руках самого Св. Франциска Ассизского. Бонаventura был современником и влиятельным противником стараний Фомы объединить, тем самым преобразуя, Христианскую теологию с обновленным им Аристотелизмом.

Св. Бонаventura (~1218-1274)

Иоанн Дунс Скот (1265-1308)

Фома /Бонаventura/ умер в 1274 г., и для нас самой интересной личностью /из францисканцев/ является не кто-либо из его современников, а мыслитель и теолог, рожденный приблизительно в 1266 г., который делал свою карьеру мыслителя в фарватере Фомы. Он также и не является таким уж четко выраженным оппонентом. В схоластических традициях его считают единственным в своем роде Реалистом, находящимся в оппозиции к основной францисканской традиции, а сам он считал себя независимым учеником Фомы и Аристотеля, более инновационным преемником Фомы, чем его врагом. Он и в самом деле расходился с Фомой и противоречил ему многими оригинальными способами по важным теологическим и философским

вопросам. Я имею в виду действительно блестящего и оригинального философа Иоанна Дунса Скота²⁶, известного как «Доктор Субтилис» («Доктор тонкий»), так как он наслаждался, синтезируя различные и противоположные элементы в удивительно нетрадиционные соединения. (Замечу в скобках, что *философия бытия* Скота, в особенности его учение о категориях и значении, была предметом «абилитационной» диссертации Хайдеггера во Фрейбурге, 1915 г.; для эзотерическо-кармического подтекста нашей лекции это также является симптоматически говорящим фактом.)

Многие различия, традиционно отмечаемые между этими потоками, должны быть сегодня существенно модифицированы; особенно в случае Дунса Скота они гораздо более сложны и действительно очень интересны. В обычном понимании, аристотелики, или доминиканцы, известны как Реалисты. Что это означает – быть Реалистом в средние века? Это означает, с одной стороны, все еще быть в состоянии переживать мышление как часть космического разума, а с другой стороны, Аристотелевой стороны, переживать мышление как тесно связанное с человеческой душой и человеческим духом, с мыслящей индивидуальностью. Доминиканцы во главе с Фомой все еще могли схватывать последние остатки духовного содержания и духовной субстанции, которые приходили из духовных миров в более ранние эпохи, но теперь они стремились надежно осмыслить их своим мышлением, становящимся земным и человеческим. Прежде всего, они боролись с тем, что было проблемой уже для Аристотеля почти за 2000 лет до того: *загадкой духовной природы человека и проблемой бессмертия*. В Христианское Высокое Средневековье этот вопрос формулировался следующим образом: религия обещает надежду на спасение и бессмертие через веру в божественное откровение посланий Библии; но возможно ли было бы также – мыслить, и в мышлении не только логически доказывать или опровергать, но и на самом деле *переживать и осознавать* бессмертие индивидуальной человеческой души?

Их францисканские оппоненты принадлежали к так называемым Номиналистам, потому что они больше не могли переживать истинное духовно-универсальное существо мышления. Из-за этой неспособности францисканцы, пытающиеся получить знание о духовных фактах помимо официальной религии, искали его на более мистико-экстатических путях. Интересное следствие состоит в том, что это уклонение от мышления в вопросах, относящихся к более глубоким духовным поискам, украсило их стремление своеобразным мистическим и интуитивным блеском. Оно было наделено блеском сверхчувственного, что для людей с более духовными склонностями соблазнительно затмевает добросовестный, тщательный, и, казалось бы, сухой труд и технику мышления, развитые доминиканцами, – теми, кого Штейнер относит к воистину сердечно преданным космической интеллигенции, управляемой Михаэлем.

Другой интересной чертой некоторых ведущих францисканцев была их попытка обойти аристотелевско-платоновские идеи с помощью в иных отношениях маргинализованных стоических традиций. Стоики ассимилировали богатую и разнообразную смесь философских и религиозных элементов непосредственно до и после Христа, опираясь на гностические и языческие традиции. Перед неоплатонизмом они были уже обостренно внимательны к пробуждению внутренней и индивидуальной душевной жизни человеческой личности, так же как к *сгущающейся тьме*, окружающей ее судьбу на Земле и после смерти.

Штейнер охарактеризовал эту неразрешимую проблему в одной из своих кармических лекций²⁷. Он пересказывает дискуссию между молодым и более пожилым доминиканцем. Он говорит трогательно и глубоко, когда он описывает это событие. Младший доминиканец говорил своему старому учителю: Смотрите, Мастер, древняя духовная сила, – изначально Михаэлева, – которая все еще вдохновляла

²⁶ См. лекцию «Значение томизма для современности» 24.5.1920 (GA 74) в сб. *Искупление разума*, С.-П. «Азбука-классика» 2004, с. 35-36. – Р.И.

²⁷ По-видимому, автор имеет в виду: Р. Штейнер. *Эзотерические рассмотрения кармических связей*, т. 3, Лекция 1, GA237, 1.07.1924, с. 31-32. – Р.И.

мышление Платона, и Аристотеля, Плотина и Скота Эригены, отмирает. Люди в будущем больше не будут в состоянии ее переживать. И он продолжил: Если так пойдет и дальше, то в будущем люди утратят всю духовную субстанцию и всю истинность в своем мышлении. И это мышление, небесная интеллигенция, которая струится от Михаэля на Землю, станет добычей Ариманического-демонических духов, которые воспользуются ею, чтобы стянуть человечество в пропасть материализма и коррупции. Михаэлическая космическая интеллигенция, все еще управляемая богами древних времен, будет преобразована во все более Ариманическое мышление в не столь отдаленном будущем.

~~И он продолжал говорить, что~~²⁸ /Старый доминиканец отвечал на это:/ нечто должно произойти сейчас на Земле через нас в самой человеческой душе, чтобы подготовить семя к будущему преобразованию, которое будет доступно, когда Михаэль начнет свою новую эпоху. Это семя должно быть подготовлено сейчас, чтобы прорасти к жизни в тот век, в котором иначе распространится только материалистически-интеллектуальное мышление. И он сказал: Ибо сейчас мы должны держать отдельно силы веры и силы мышления, но в будущем это разделение больше не будет служить человечеству. Это новое семя должно быть там в то будущее время, чтобы позволить, по крайней мере, малому числу людей одухотворить в своих сердцах и умах павшую интеллигенцию и, таким образом, снова соединить ее с истинной духовной реальностью.

Великий поборник Реалистов, этот «молчаливый бык», как его прозвали, Фома Аквинский пытался, со всем своим напором, доказать, что, когда человек мыслит посредством *nous poeitikos*, активного интеллекта, а не *nous pathetikos*, пассивного интеллекта, он может интимно соединить свою душу с реальной духовной субстанцией; тогда он может правомерно полагать, что после его смерти, хотя он будет несом на небеса на крыльях Христианского спасения, он сможет снова найти свою индивидуальность, наделенную полным самосознанием, сходным с интенсивным, активным человеческим самосознанием на Земле. На все это можно было только надеяться и верить в это, но еще не переживать в полной мере в индивидуальной душе. Индивидуальное бессмертие еще не могло стать сознательным переживанием человека ни до, ни после смерти. Это еще не было возможным – переживать, как посредством актуализации и осуществления живого, интуитивного мышления человеческая индивидуальность преобразуется, и бессмертие, как сверхчувственное переживание, становится реальностью, так что человеческое «Я» может жить как сознательное вечное существо в духовном мире *непосредственно здесь и сейчас*, и поэтому также и после смерти.

Штейнер добавляет²⁹, что, на самом деле, могла быть сделана только подготовка к этому, и что Фома Аквинский умер с этим жгучим вопросом, с этой огромной проблемой, потому что он не мог решить ее в его время. И Штейнер формулирует этот вопрос Фомы так: «Как мышление может быть искуплено? Как может импульс Христа [духовная сила «Я»] вступить в мышление?»

Но что такое этот так называемый импульс Христа? Что такое эта духовная сила «Я»? Это сила преобразования, сила метаморфоза, работающая в индивидуальной человеческой душе, простирающаяся также и на мышление и ведущая его, преобразованное, из внутреннего обратно к духовным мирам; и делающая это таким способом, что в этом процессе будет осознана вечная природа «Я». Иными словами, если это «Я» должно стать бессмертным, оно должно сначала стать таковым здесь, на Земле, посредством свободной деятельности человека. Это становление и есть то, что воистину подразумевается под «импульсом Христа». Этого Фома не мог свершить в 13-м столетии, но Штейнер осознал и актуализовал эту задачу в конце 19-го столетия, когда начался новый век Михаэля. Он

²⁸ См. GA237, 1.07.1924 с.32, – но только это сказал не молодой доминиканец, а его Учитель: «Старый доминиканец отвечал на это: «Вследствие того, что человек с любовью обращает свой взор на внешнюю природу, а откровение принимает как откровение, как раз необходимо, чтобы он не просто подошел к откровению с мыслями, но надо, чтобы в мышлении была найдена взамен прежней небесной реальности земная реальность». – Р.И.

²⁹ См. лекцию «Сущность томизма» 23.5.1920 (GA 74) в сб. *Искушение разума*, С.-П. «Азбука-классика» 2004, с. 33-34. – Р.И.

выразил эту самореализацию в *Философии Свободы* и во всей своей последующей духовно-научной работе.

Это может позволить нам увидеть мельком, что работает за кулисами человеческой истории, и как карма работает от одной эпохи к другой. Предполагалось, что 20-й век, среди многого другого, должен был снова стать плодотворным временем великого нового диспута между реинкарнированными доминиканцами, вместе с их более склонными к платонизму коллегами из школы Шартра, и реинкарнированными францисканцами, которые уже в 13-м и 14-м веках переживали мышление как павший элемент земного человека и искали искупления через что-то другое.

В 13-м веке Номиналисты и Францисканцы говорили: Мышление – это всего лишь земная человеческая способность; мышление может только давать наименования чувственно-воспринимаемым объектам и сфабрикованным человеком понятиям. Если и существует вселенский разум (и многие из них действительно в это верили), он не вступает в человеческое мышление. Человеческое мышление столь же греховно, сколь и весь человек, и не может принимать участие в благодати обладания фактическим, реально присутствующим, небесным началом. Божественное в его подлинной сущности совершенно трансцендентно и целиком находится за пределами человеческого познания; с помощью мышления ни один человек не может ни постичь сверхчувственную реальность, ни найти там свою вечную индивидуальность.

Сегодня (как современные философы) они говорят: человеческий субъект, земная личность, не имеет никакого значения! Они провозглашают «смерть субъекта», как в Средневековье они опровергали бессмертие «Я»! Сегодня смысл человеческой личности, как таковой, считается недостижимым и непостижимым. Как тогда оспаривалось, действительно ли существуют эти реальные универсалии, точно так же сегодня опровергается существование единичного объекта, единичной личности.

Великий диспут Средневековья происходил в 13-м веке между Реалистами и Номиналистами, и внешне-исторически Реалисты, казалось бы, проиграли сражение. Внутренне, однако, они подготовили почву для того, что должно было выйти на свет в новую эпоху Михаэля, нынешнюю³⁰. И все мы еще только в начале этой новой битвы, хотя мы уже изрядно во втором Михаэлическом столетии!

Сегодня обычные люди, как мы, должны найти в себе смелость вновь стать истинными начинающими, чтобы попробовать скромно, но искренне сделать первый и самый элементарный шаг в этом направлении. Можем ли мы освободить захваченную небесную интеллигенцию и так преобразовать ее в наших сердцах, чтобы мышление смогло прорваться к подлинной духовной реальности? Может ли это стать реальным *событием*? Можем ли мы выработать в этом процессе реальное духовное «Я» – индивидуально-сингулярное существо (an individual-singular being)? И что это, на самом деле, означает: становиться не единично-суверенной личностью (single-private personality), не абстрактно-общим универсальным существом, но воистину «сингулярным» существом («singular» being)³¹?

³⁰ См. лекцию «Значение томизма для современности» 24.5.1920 (GA 74) в сб. *Искупление разума*, С.-П. «Азбука-классика» 2004. – Р.И.

³¹ Термин ««сингулярное» существо» избран переводчиком ввиду новейших исследований автора и его деятельности сейчас (в 2011-2012 гг.): «Что же должно быть сделано сегодня и завтра, хотя бы лишь малым числом людей, чтобы стать достойными наступающего События Христа в реальном времени его развертывания, чтобы сознательно противостоять его земным противоположностям, центральной из которых является грядущая Технологическая Сингулярность? Это означает, что Духовная Наука обязана занять позицию сознательного использования новых эфирных сил, притекающих от этого События, чтобы производить на Земле истинную, в полной мере человеческую, «Эфирную Сингулярность» в то самое время, когда механически-материалистическая Технологическая Сингулярность становится мэйнстримом /господствующей тенденцией/ в нашей цивилизации. И под термином «Эфирная Сингулярность» я подразумеваю то, что спиритуализация мышления прогрессировала бы до такой степени, что оно становится объективным эфирным познанием, вступает сознательно в эфирный мир, работает сознательно с водительствующими силами человеческого развития, и осуществляет эту работу в физической социальной жизни на Земле». <http://www.ybasite.org/> – Р.И.

Назад в будущее

Возвращаясь к тому, что для Реалистов было будущим, обратимся к концу 19-го века и началу 20-го века. Штейнер издает *Философию Свободы* в 1894 г. как /свое/ индивидуальное-сингулярное-духовное достижение (individual-singular-spiritual achievement), непринятое и непризнанное общей средне-европейской культурой. Это инаугурационное событие, закладывающее камень основы того, на чем будет построена будущая духовная жизнь человечества. Ибо впервые в истории человек индивидуально смог реализовать, одухотворяя интеллект и посредством одухотворенного интеллекта³², в чистом мышлении и посредством чистого мышления, фактическое создание и сотворение вечной, моральной, духовной субстанции человеческой индивидуальности как подлинной самосознающей духовной реальности. И он смог выполнить это замечательное деяние как свободный и современный человек, вне зависимости от какого бы то ни было данного мистического или атавистического сверхчувственного сознания или эзотерических традиций. Это – свободное деяние актуализации и реализации новой индивидуальности (selfhood) посредством космического мышления. Эта мощь трансформации, транссубстанции и метаморфоза была столь сильно индивидуализирована в Средневековье, что теперь мог быть дан ответ на ту нерешенную загадку и проблему, с которой умер Фома Аквинский: *Как может быть искуплено мышление и вместе с ним и через него – сам человек?*

Это было главной темой моей книги 1995 года, *Новое Переживание Сверхчувственного (The New Experience of the Supersensible)*, которую я снабдил подзаголовком: *Драма Познания Второго Пришествия (The Knowledge Drama of the Second Coming)*. В начале этой книги я поместил три цитаты, которые для меня суммируют драму конца 20-го века, кульминацию этой борьбы за то, чтобы достигнуть хотя бы крохотного индивидуального семени этой громадной человеческой задачи. К этим трем я теперь добавлю также цитату из Делёза.

Первая цитата – из Хайдеггера, провозглашающего, что человеческая жизнь-к-смерти является выражением сути его существа. Вторая есть знаменитое утверждение Фуко насчет исчезновения человека, каким мы его знаем. Третья демонстрирует реальную борьбу Делёза, мощно пытающегося решить загадку индивидуального бессмертия, с наследием его францисканских предтеч. Четвертая – слова Штейнера, написанные им на его смертном ложе в качестве краткой директивы на будущее.

Эти пассажи приводятся в определенном восходящем порядке – от глубокого опровержения всего, за что борется Михаэлический импульс нашего времени (Хайдеггер), через двух самых выдающихся представителей современной французской философии, Фуко и Делёза, к Штейнеру, который был там первым по времени, но есть и всегда будет последним, кто будет понят нашей культурой.

Выдвинутость нашего *бытия* в ничто... делает человека заместителем Ничто. Мы настолько конечны, что именно никак не можем собственным решением и волей поставить себя перед лицом Ничто. В такие бездны нашего бытия въедается наша ограниченность концом, что в подлинной и глубочайшей конечности нашей свободе отказано.

– Мартин Хайдеггер, *Что такое метафизика?* 1929

Это утешительно, однако, и источник глубокого облегчения – думать, что человек – это изобретение недавнего времени, фигура не старше двух сотен лет, новая морщинка в нашем знании, и что она исчезнет снова, как только это знание обнаружит новую форму. [...] Тогда – в этом можно поручиться – человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке.

– Мишель Фуко, *Порядок вещей*, 1966

³² Автор здесь и ниже использует трудно переводимый на русский язык оборот «in and through» без повторов – Р.И.

Каждое событие подобно смерти. Оно – двойник и безлично в своей двойниковости ... Только свободный человек... может постигать... всякое смертельное событие *в одном Событии*, в котором больше нет места случайности... Именно в такой подвижной и малой точке, где все события собираются воедино, происходит превращение: в этой точке смерть восстает против смерти; здесь умирание служит отрицанием смерти, а его безличность указывает уже не на момент, когда я исчезаю из себя, а скорее на момент, когда смерть теряет себя в себе, а также на фигуру, форму которой принимает самая единичная [сингулярная] жизнь, чтобы подменить меня собой.

– Жиль Делёз, «Двадцать первая Серия События» в *Логике Смысла*, 1969

Если бы было *только* так, то в человеческом существе на один космический момент воссияла бы свобода; но человеческое существо в тот же самый момент растворилось бы... Здесь в человеческом развитии указывается на бездну ничто, прыжок над которой совершает человек, становясь свободным существом. Деяния Михаэля и Импульс Христа делают этот прыжок возможным.

– Рудольф Штейнер, «Свобода Человека и Эпоха Михаэля» в книге *«Антропософские руководящие положения»*, GA 26, январь 1925

В 1929-м году Хайдеггер назвал человека *Statthalter des Nichts*³³ – «командором Ничто». И он сказал: все человеческое существование основано только на смерти, на конечности. Это было первое «постановление», посредством которого изменение курса человеческой истории было сделано философски сознательным – и затем политически и социально реализовано в столь большом числе прерванных и уничтоженных человеческих жизней. Едва ли возможна формулировка более глубокой анти-Философии Свободы, чем эта.

Вспомните, что я говорил вначале: можно доказать, что в философии 20-го века влияние Хайдеггера является самым значительным, – по крайней мере, пока не исполнится пророчество Фуко, что «20-й век назовут однажды веком Делёза». Теперь, когда Фуко пишет спустя 33 года после 1933 г., он говорит: человеческий субъект, «я», насколько мы его знаем, есть преходящее явление, вызванное эволюцией сознания в 19-м веке; и оно быстро исчезает. Это утверждение уже в чем-то лучше, чем у Хайдеггера! Во-первых, потому что Фуко не говорит, что человек является конечным по своей сути, как это делает Хайдеггер; и, во-вторых, потому что человеческая сущность есть для Фуко в точности вот что: это процесс неограниченного становления, преобразования, – и, в этом смысле, она вообще не является конечной. Он говорит: наше понимание человеческого субъекта меняется, оно станет другим в будущем. Таким образом, он, на самом деле, имеет в виду: в 20-м веке происходит *смерть понятия субъекта*, выработанного в 19-м веке, – что может быть поддержано также и видением будущего в свете антропософии, как я указал выше. Он никогда не имел в виду объявить о конце человека!

Третьим является типично суггестивный пассаж постмодернистского мыслителя, который переживал, быть может, более чем любой другой мыслитель прошлого века, что мы *пересекаем порог*, что на другой стороне нас ожидают великие возможности. И даже более того, *он очень хорошо знал*, что мы *уже пересекли порог* и *живем на другой стороне*, совершенно непредвиденной и неисследованной, и сталкиваемся с бесконечными новыми рубежами. Этот мыслитель – Жиль Делёз.

У Делёза мы находим замечательные описания того, что можно пережить и выразить в понятиях и словах, если мышление до некоторой степени одухотворено. Переживается сущность жизни: «О чистой имманентности следует говорить, что она есть сама ЖИЗНЬ и ничто иное... Жизнь есть имманентность имманентности, абсолютная имманентность: она есть полная мощь, полное блаженство»³⁴. То же самое

³³ Нем.: «Наместник Ничто» – Р.И.

³⁴ Из эссе «Имманентность: жизнь» в книге *Чистая имманентность – эссе о жизни*. (См. русский перевод эссе: <http://dironweb.com/clinamen/fila15.html> – Р.И.)

переживание имеет двойника, «другого», или обратную сторону, который приходит, органически сплетенный с ним. Если доходят до этого в своем переживании сущности чистой жизни, то начинают также, в то же самое время, поднимать в сознание подсознательные и реальные (то есть, *живые*) процессы смерти, которые лежат в основе обычного мышления. Смерть начинает восходить до осознания и начинает показывать свое истинное существо, а именно, (*скрытые*) *врата к вечной космической жизни*.

Оказавшись на этом пути столь далеко, что мышление становится переживанием жизни-в-смерти и смерти-в-жизни, можно воистину пережить, что «в этой точке смерть восстает против смерти; здесь умирание служит отрицанию смерти». И когда, кроме того, с высвобождением эфирного тела переживают космические, безличные, неорганические (nonorganic) силы жизни, то знают также, что эта безличность умирания «указывает уже не [только] на момент, когда я исчезаю из себя». И это означает, если от негативного способа говорения обратиться к его позитивному смыслу: *Безличность умирания указывает на тот момент, в который истинное Я ЕСМЬ появляется с наружной стороны моего обычного «я»*.

Тогда вплотную подходят к духовно-научной тайне «Я», и лишь тоньше волоса просвет благодати отделяет от того, чтобы быть вознагражденным этим переживанием. В то время как ментальный образ «Я», этот *Vor-Stellung*³⁵ «Я» исчезает, как мы указали выше с помощью Фуко, и ОНО, – объективные жизненные силы космического мышления, – начинает мыслить через меня, тогда истинное «Я» (the real “I”) воскресает и приходит в сознание в этом безличном космическом потоке и благодаря ему³⁶. Это истинное «Я» есть существо воскресения, и на данном этапе нельзя пережить его реальность ни посредством космического мышления, ни по личному хотению, но только по благодати. ОНО есть сосуд или чаша³⁷, не податель благодати; подателем истинного «Я» может быть только существо «Я» человечества, Само это Высшее «Я»; Христос.

И Делёз, со всем, что он приносит с собой из бывшей жизни, может продвинуться столь близко – но «всего лишь» столь близко – к пику этого момента, к порогу этой благодати. И, собственно говоря, это так, что когда одухотворишь мышление настолько, что можешь переживать безличное космическое мышление, – я имею в виду настоящее *переживание, опыт*, не всего лишь *мыслить* абстрактное понятие, – тогда и вправду не находишь там опять умозрительных схем обычного «я» (ordinary self), субъективного субъекта, который «мыслит и поэтому существует». В этот момент это «я» есть ничто, а *ОНО* есть все; и поэтому Делёз тоже не мог найти его в своем аутентичном переживании пересечения порога жизни и смерти. Как близко он стоит там, на пороге, смело встречая лицом к лицу существо смерти и *переживая, как смерть умирает*. Но он не видит, на самом деле, *во что умирает смерть*; он не может произвести достаточно огня, чтобы измыслить и провести (concoct and conduct) алхимическую комбинацию, которая одна может сплавить полностью – уничтожая любые промежуточные различия – абсолютную, чистую, имманентную жизнь с абсолютной смертью. Он поэтому не видит, *что*, или, лучше сказать, *кто*, встречается с ним; *что происходит* в тот самый момент; какое *событие* происходит в этот священный момент (which event takes this sacred place of time). Он не может испытать то, что у него под рукой, а именно, как «по благодати истинного «Я» жизнь становится смертью, а смерть становится жизнью», – как в *in Christo morimur*: как *мы умираем в изобилие жизни*. Но как трогательно близко он и в самом деле подходит к разгадке Его тайны, когда он переживает «момент, когда смерть теряет себя в себе, ... [и становится] *самой сингулярной жизнью*, чтобы подменить меня собой».

Момент, когда происходит эта замена, является самым священным, который можно пережить после обычной смерти. Начинаящим-посвященным, которыми мы можем стать сегодня, может быть дарована

³⁵ Предпосылочная, предвзятая точка зрения – Р.И.

³⁶ Здесь опять, увы, пришлось перевести авторский оборот «in and through» при помощи громоздкого повтора. – Р.И.

³⁷ vehicle, or chalice – потир, церковная чаша для христианского Таинства Причастия – Р.И.

благодать этого священного момента посреди физической жизни. Мы можем воистину благодатно умереть... и можем пережить в полном сознании именно то, как эта «самая сингулярная жизнь» – Высшее Я – «заменит меня собой». Только таким образом битва Средневековья, которая действительно происходила, и битва кульминации 20-го века, которая осталась почти полностью виртуальной, все еще могут быть реализованы в ходе 21-го века. Это и есть, на самом деле, наша скромная начальная миссия.

Итак, *что делает свободу действительностью?* Не интеллектуальной «действительностью», но морально-человеческой и, в то же самое время, сверхчувственным *достижением*? Это есть именно то, что францисканцы считали невозможным в принципе, и в случае Делёза мы даже можем видеть, как это становится манифестом в его индивидуальной и очень личной карме. Взгляните на его пальцы, и сравните их с руками Brentano, которые Штейнер описал как «руки философа», и затем с руками самого Штейнера. Руки и пальцы открывают, прежде всего, не прошлую судьбу (как это делает голова), но карму-в-потоке-становления. Что можно пережить, созерцая пальцы Делёза? Он должен был позволить ногтям становиться очень длинными, так как он не мог выдержать физического ощущения касания своими пальцами; это было для него слишком болезненным! Что, на самом деле, чувствуют пальцы, глубоко, подсознательно, когда они касаются? Они ощущают наше становление, и они также постоянно чувствуют испепеляющий огонь в конце-нашего-становления, так называемую вторую, или душевную, смерть³⁸. Иными словами, пальцы все время живут, и движутся, и становятся *за порогом*, где наш духовный поток кармы ткет и формирует нашу нынешнюю жизнь из будущих жизней.

Ведущие Доминиканцы знали, что истинная свобода, на самом деле, лишь временно невозможна; они усердно трудились, чтобы подготовить ее семя через свою верную и искреннюю преданность будущему импульсу Михаэля. И это семя может теперь начать пускать корни и прорасти из земной почвы ввысь в начале второго Михаэлического столетия.

В полном одиночестве Штейнер прокладывал этот путь своим индивидуальным деянием через свою жертву и тяжкий труд для человечества. Мы приглашены быть начинающими, каким был он, когда он задумывал и писал эту скромную книгу, *Философию Свободы*, семя для одухотворения мышления, сознания, и человечества и Земли в будущем. Он сделал это возможным. И даже, несмотря на тот факт, что не его, но хайдеггера концепция человека завоевала Европу и весь земной шар, деяние Штейнера сделало возможным то, что в исторический момент, когда «свобода [воссияла] в человеческом существе на один космический момент», свобода не будет утрачена. Что перед лицом лютейшего зла уничтожения, вызванного столь многими «командорами ничто» по всей Земле в ходе 20-го века, «...в тот же самый момент человеческое существо» *никогда больше не «растворится...»* И поэтому, действительно: «Здесь в человеческом развитии указывается на бездну ничто в человеческой эволюции, прыжок над которой совершает человек, становясь свободным существом. Деяния Михаэля и Импульс Христа делают этот прыжок возможным».

Хотя это долгожданное крупномасштабное сражение и не состоялось в конце 20-го столетия, я хотел вам сказать, что это все еще может стать плодотворным и радостным семенем новой жизни в каждом из наших сердец. Это было единственной целью моего участия /в этой встрече/ сегодня вечером, «сделать философию достойной этого события». Я хотел вписать это сюда, в мой первый рабочий визит во Францию, Кольмар, Эльзас: поделиться с вами некоторыми из моих переживаний в прошлые десятилетия прошлого столетия, чтобы поощрить и вас начинать и становиться начинающими этого нового начинания в новом Михаэлическом столетии.

³⁸ О так называемой «второй смерти» см. приложение в конце – Р.И.

Приложение: Р.Штейнер о «второй смерти»

(цит. по [ANTHROPOS](#): *Энциклопедия Духовной Науки*, М. 1999, составитель Г.А.Бондарев)

(добавлено переводчиком)

«Представим себе человека, который не использует свою жизнь так, чтобы извлекать из нее истинные плоды. Он не берет из нее никаких плодов в духовную жизнь. А лишь этими плодами может он жить в духовном бытии. И потому тот, кто не берет с собой никаких плодов, переживает «вторую смерть». Благодаря тому, что он обрабатывает эту земную ниву, спасается он *от второй смерти*. «Побеждающий не потерпит вреда от второй смерти». (*Апокалипсис*, 2; 11)». [104 \(3\)](#) (пер. Г.А.Бондарева; см. также другой перевод: Р.Штейнер, *Апокалипсис Иоанна*, Калуга, «Духовное познание», 1999. Доклад 3, с.75)

«Перед одухотворением Земли люди воплотятся в физ. тела в последний раз. «И смерть в том воплощении называется в Апокалипсисе первой смертью. Воспринявшие Принцип Христа увидят физ. тело отпадающим подобно оболочке. Для них в дальнейшем будет иметь значение эф. тело. С помощью Христа оно будет так организовано, что астр. тело в нем больше не испытает вожделений к находящемуся внизу физическому миру». Не воспринявшие Принцип Христа также утратят физ. тело, т.к. оно растворится, и все вожделения физ. тела они перенесут в эф. тело. Земля далее взойдет к еще большему одухотворению, так что дальше не станет никаких эф. тел. И первый род людей сможет жить в астр. теле, рассматривая отпадение эф. тела как необходимость развития. Они будут чувствовать себя способными построить его вновь, ибо они воспримут в себя Христа. Для них эта вторая смерть не будет иметь никакого значения. Другие же переживут вторую смерть. Им тогда не достичь сознания Юпитера, и в его бытии они станут как бы его спутниками. Однако и на Юпитере еще будет возможность обратить к добру часть впавшего в черную магию человечества. Последнее решение состоится в бытии Венеры, необратимое решение». [104 \(12\)](#) (пер. Г.А.Бондарева; см. также другой перевод: Р.Штейнер, *Апокалипсис Иоанна*, «Духовное познание», 1999. Доклад 12 – с. 227-230, лучше прочитайте весь доклад)

«То, что человек берет с собой в качестве представлений о Христе, есть сила, которая просветляет сознание после смерти, которая спасает человека от судьбы, которая постигла бы людей, если бы не явился Христос. Если бы Христос не явился, то существо человека хотя и сохранялось бы, но не могло бы наступать просветление сознания после смерти. Это то, что придает настоящее значение явлению Христа, ибо к ядру человеческого существа присоединяется нечто, имеющее обширное значение. Событие Голгофы предохраняет человека от духовной смерти, если он идентифицирует его со своим собственным существом». [106 \(10\)](#) (пер. Г.А. Кавтарадзе, см. Р.Штейнер, *Египетские мифы и мистерии*, «Ключи», С.-П. 2012, Лекция 10, с. 132)

«Действительность поистине намного серьезнее. И если человек достаточно интенсивно в течение достаточно долгого времени вырабатывает эту подсознательную тоску по смерти вместе с физической смертью, то он и в самом деле погибает вместе с физической смертью. Тогда то, что имелось в нем, как духовно-душевное, что создавало его образ, теряет свое значение; тогда оно снова соединяется с духовным миром и теряет самость. Образ самости преобразуется ариманически, и ариманические силы получают то, что они хотят получить: они получают в руки земную жизнь. Это означает, что большая часть современного цивилизованного мира стремится не продолжать земную цивилизацию, но привести людей к смерти и передать земную жизнь совсем другим существам, не людям! Нет никаких оснований, в силу которых об этих вещах сегодня не следовало бы говорить». [198 \(16\)](#) (пер. Г.А.Бондарева; см. Р.Штейнер, *Исцеляющие для социального организма факторы*, Лекция 16, этот цикл пока /на июль 2012 г./ не переведен на русский)